

Многозначное понятие «поток» связано с движением в пространстве и во времени, перемещением в одном направлении неких сущностей. Таков город – иерархическая управляемая открытая система, обеспечивающая на ограниченной территории взаимодействие многих материальных и виртуальных потоков. Но такovy и все другие архитектурные объекты, все организованности проектной мысли. Однако каково реальное соответствие наших привычных представлений понятию потока, формируемому в иных областях знания, занятых этим понятием не эпизодически, но постоянно? В том числе и в критически ориентированном методологическом знании в архитектурно-проектной сфере? На эти вопросы пытаются ответить авторы статьи.

Ключевые слова: поток в архитектуре и градостроительстве; взаимодействие; материальные и виртуальные ресурсы; система и среда; предметное и «распредмеченое» знание; поток и форма; выражение и экспрессия. /

The multi-valued concept of 'flow' is associated with the movement in space and time, the movement of certain entities in one direction. This is the city, a hierarchical, managed, open system that ensures the interaction of many material and virtual flows in a limited area. But so are all other architectural objects and all the organization of design thought. However, what is the real correspondence of our habitual ideas to the concept of flow, which is formed in other fields of knowledge that are occupied with this concept not sporadically, but constantly? Including critical methodological knowledge in the architectural and design field? The authors of the article are trying to answer these questions.

Keywords: flow in architecture and urban planning; interaction; material and virtual resources, system and environment; subject and 'objectified' knowledge; flow and form; expressiveness and expression.

Поток внутри и вовне архитектурной профессии / A flow inside and outside the architectural profession

Города и потоки

Современные города существуют на исторически и географически обусловленных территориях, жизнь которых в пространстве и времени меняется и находит отражение во взаимодействии разнородных потоков. Города пребывают в потоках, первые из которых – потоки времени и истории; города порождают потоки – от людских, транспортных, информационных до потоков сточных вод. Абстрактное понятие «поток» допускает как социально-гуманитарные, так и естественно-научные трактовки. Оно может быть применено к произвольному комплексу процессов по перемещению неких материальных или виртуальных ресурсов от источника к стоку. Вне зависимости от того, материальные это потоки или виртуальные, они оставляют в городах материальный след в виде зданий, сооружений, монументов, коммуникационных путей и т. п.

О городских потоках, формируемых людьми, мы можем говорить как о результате организованной деятельности; о природных потоках это утверждение может быть верным, если деятельность понимать шире, чем деятельность человека.

Многозначность термина «поток», позволяет говорить о синергетике открытой городской системы, но требуется отдельно классифицировать потоки для комплекса природных (естественных) и человеческих (искусственных) процессов.

При системном моделировании городских потоков их можно разграничить по особенностям жизнедеятельности. Закономерным следствием такого моделирования является прогнозирование последовательной трансформации функциональных зон и формировании новых типов урбандошафтов как на исторических, так и на новых территориях. Характер материальных и виртуальных потоков, обеспечивающих жизнь существующих урбандошафтов и инициирующих возникновение новых, может быть хаотичным, периодическим (сезонным) или регулярным.

Системное качество «открытости» в моделировании городских потоков реализуется как постоянное взаимодействие искусственной и естественной среды.

О некоторых принципах моделирования городских потоков

Распределение потоков ресурсов, определяющих жизнь города, изменчиво. Если учитывать накопленные запасы аккумулярованной энергии, а также знания, технологии и инвестиционные активы, то можно определить входы и выходы процессов обеспечения потребностей города в ресурсах. Моделирование материальных потоков как веществ в трех состояниях (твердом, жидком, газообразном), так и энергии (света, тепла, электричества) основано на законах сохранения и балансовых соотношениях. Поэтому прогнозировать регулярную доставку потоков материальных ресурсов населению и производствам можно в силу гидротехнической аналогии управляемого потока жидкости в относительно проницаемой среде.

Виртуальные потоки (информационные и финансовые) допускают, согласно принципу симметрии, двойственное описание при частичной материальной и/или цифровой фиксации в документообороте. Так, потоки финансовых ресурсов города организованы в бюджетном процессе.

Потоки событий, фиксирующих результаты изменения состояния и состава подсистем основных типов как условно постоянных ресурсов, обеспечивают синхронизацию в едином пространстве и времени взаимодействия города в целом. Исполнительные механизмы (учреждения, институты; оборудование и трудовые ресурсы) при текущем функционировании города практически постоянны.

Перспективное развитие поселений проявляется в конкретных событиях, технологических и организационных изменениях различных по актуальности и интенсивности, в том числе, включая такие последствия миграционных потоков, как рост национальных диаспор, формирование этнических гетто и рост уголовных преступлений.

Существенное значение для современного города имеет поток работ по развитию управления. Он состоит в пошаговом обеспечении качества «умный город». Анализ мировой практики внедрения «умных городов» позволяет при всех недостатках, присущих сегодняшнему этапу становления этой системы управления городскими потоками, отметить, что «цифровой двойник» города

текст

Петр Капустин
Воронежский государственный технический университет
Елена Багина
Уральский федеральный университет
им. Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург)

text

Petr Kapustin
Voronezh State Technical University
Elena Bagina
Ural Federal University
named after B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg)

> Рис. 1. Руины римских форумов: поток Истории и поток туристов

> Рис. 2. Час пик в московском метро

позволяет обеспечить опережающее прогнозирование. Это помогает предотвратить многие крупные аварии и катастрофы.

Обыкновенно фильмы снимают со скоростью 24 кадра в секунду. Изобретатель кинетоскопа Томас Эдисон выступал за частоту в 46 кадров в секунду, поскольку считал, что именно она позволяет сделать изображение на экране более четким и менее утомляет человеческий глаз. Технические возможности сжимать и растягивать время в кинематографе сегодня уже никого не удивляют: цветок на экране может распуститься за считанные секунды. Движение толпы при моделировании иногда представляется потоком, в котором различие отдельных людей несущественно. Движение в таком антропопотокоте ускоряется, то замедляется. Есть транзитные участки, есть накопители... Знаком такого проектного подхода становятся таблички в аэропортах, на которой так и написано: «накопитель». Как чувствует себя человек, которого заставляют сначала ритмично двигаться в потоке, потом слоняться в накопителе, потом снова ритмично двигаться – это проектировщиков не интересует, поскольку управлять потоком, учитывая чувства отдельных людей, невозможно. И человек неизбежно теряет в потоке индивидуальность.

В моделировании транспортных потоков, осуществлении массовых перевозок и т. п. приоритет отдается отнюдь не человеку; здесь поток проявляет свою надчеловеческую сущность. Но к специальным, в т. ч. профессиональным архитектурно-градостроительным представлениям о потоках мы еще вернемся.

Поток: между системой и средой

Поток – понятие внепарадигмальное. Он никуда не вливается и никуда не... втекает. Для потока воистину «цель – ничто, движение – всё». Поток, со времен возникновения китайского движения «ветра и потока» (Фэнлю, 風流 [Fēngliú], с III–V вв.), всячески «увиливает» от онтологических интерпретаций, предпочитая вещать о состояниях (то ли природы, то ли сознания). Но такое «состояние», по определению, не стоит на месте, его постоянное движение не может не захватывать те или иные онтологические аспекты.

Что может дать онтологема потока? Это и есть, видимо, главный вопрос в теме. Или иначе: чего ради нам мыслить пространства среды/города/здания... как потоки?

С точки зрения устойчивой системы поток есть истечение из нее вследствие прорыва – повреждения, трансформации. С точки зрения акторно-сетевой теории, приобретшей популярность в социологии, географии и др. дисциплинах, в которых сопряжение мыслимого и материального со времен Р. Декарта представляет проблему, поток возможен лишь благодаря неизменности сетевых [системных] разнородных инфраструктур, состоящих из людей, вещей, процессов и событий [1].

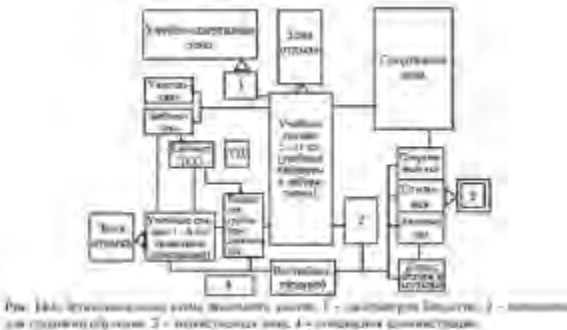
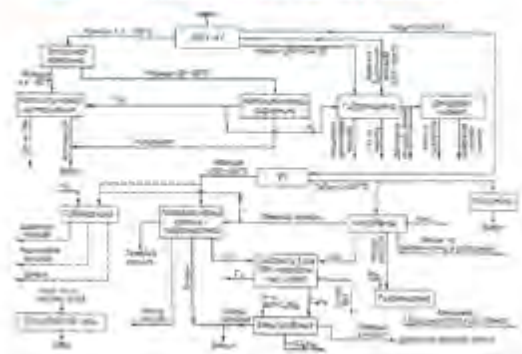
Пока все они стабильны, возможен осмысленный и направленный поток, понимаемый как взаимодействие; когда они нарушены или сами пришли в движение, поток распадается, наступает энтропия. Есть ли поток – система, принявшая линейную – вытянутую (т. е. интенциональную) и протяженную (тем самым пространственную) форму? И да, и нет. Вероятно, поток может сохранять какие-то свойства системы, но в нем рушатся иерархии, исчезают связи, истаивают «символические» (семантические) связи...

Интенциональность потока, разумеется, автоматически не приближает его к среде, однако инертной устойчивости системы вызов уже брошен, «процесс пошел»; впереди лишь два варианта: новый гомеостазис или энтропия. Оба варианта, заметим, не отрицают состояния, маркируемого термином «среда».

Впрочем, поток может и не быть феноменом распада целостности, может и не быть продуктом линейного истечения чего-либо 3D, подобного прорыву плотины водохранилища. Поток вполне может быть и имманентным, может позволить себе быть онтологически первичным (несмотря ни на что); он может быть исходной формой мыслимости происходящего. Что ни говори, поток – это всякий раз принятая, разделенная нами (вольно или невольно) онтологема.

С пространственностью же еще сложнее. Ее мерность в случае потока рискует обернуться единицей, то есть минимумом, а векторная протяженность не оставляет и следа от многомерного гомеостаза системы: бытие теперь совсем не округло, как утверждал Гастон Башляр;

Поточная схема завода глубокой переработки сернистой нефти по топливному варианту

< Рис. 3. Поточная схема глубокой переработки нефти

< Рис. 4. Функциональная схема школьного здания

оно скорее напоминает иглу или штык [2]. И штык сей направлен округлому бытию прямо в его купольное брюхо, что хорошо понял и выразил Питер Гринуэй в фильме «The Belly of an Architect» («Живот архитектора») (1987).

Но свойств среды поток «автоматически» не обретаёт. Онтологема потока довольно беспокойна, ей далеко от неориентированности среды (которую можно интерпретировать как совокупность многих разнонаправленных потоков, вошедших в состояние энтропии). Поток дефицитен в отношении среды, но избыточен в отношении системы. В системе нет никаких потоков (непредусмотренных, нефункциональных); среда же состоит из их принципиально сложно организованного множества.

За пределами предметного знания

Поток как образ и как онтологема довольно тревожен: жить в потоке – занятие весьма напряженное, далекое от всяческого спокойствия (а спокойствие, оно же гомеостазис, кажется, законный атрибут любой системы) или «мещанской» умиротворенности (в чем не раз упрекали среду). Другое дело, что войти в поток или даже его заметить в повседневном системно структурированном пространстве совсем непросто. Для этого требуется самому «наблюдателю» прийти в какой-то особый вид движения, спровоцировать проявление неочевидных потоков. Таков, разумеется, психодрейф, замышляемый своими энтузиастами как метод слома стереотипов восприятия города, как инструмент революционной критики и совлечения покровов с организованной властью иллюзии стабильности. В «Теории дрейфа» Ги Дебор пишет: «С точки зрения дрейфа города обладают психогеографическими очертаниями с постоянными потоками, с исходными точками и завихрениями, которые сильно препятствуют входу в определенные зоны или выходу из них. <...> Другим аспектом дрейфа, – продолжает Ги Дебор, – является его урбанистический характер. Его суть для промышленно развитых городов – центров возможностей и смысла – может быть выражена словами Маркса: “Люди не могут увидеть вокруг себя ничего из того, что не является их собственными представлениями; все говорит им о них самих. Их собственный пейзаж – единственное, что живет”. <...> Уроки, извлеченные из дрейфа, помогают нам

составить первые отчеты о психогеографических соединениях современного города. После открытия единства среды, ее основных компонентов и пространственного положения индивидуум может прийти к осознанию главных направлений движения, их выходов и препятствий к их достижению» [3].

Стратегия нового средового постижения – растворение в потоке, слияние со средой, «распредмечивание» сознания, исключение всего «предварительно» принятого к сведению и поспешно объективированного. Можно надеяться на дальнейшее развертывание таких практик и на развитие их теорий, в число которых нельзя не включать когнитивную географию, когнитивную урбанистику [4], метагеографию, психогеографию и пр.

Однако «растворение в потоке» лишь по направленности мысли напоминает сдачу субъективных позиций и переход на стратегии «объекта» (или «фатальные стратегии», как именовал их Ж. Бодрийяр [5]). Напротив, все «онтологическое» оказывается здесь схвачено и управляемо индивидуальной рефлексией.

Насколько субъективны и нерациональны эти направления исследования потоков в городах, архитектуре, в проектно мышлении?

В проектировании, в творчестве субъективное и даже иррациональное (после столетий жесткого рационализма) законны и необходимы.

А что в «предмете»?

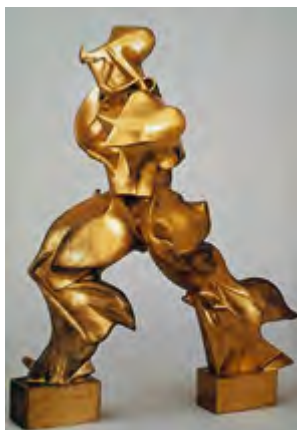
Однако представления о потоке как о чем-то значимом для тех или иных построений онтологического типа не оставляло и предметные, профессиональные, специализированные области знания. Чего стоят т. н. «поточные схемы» организации производства, так вдохновившие функционалистов. Тот же город мог с равной легкостью мыслиться как система, как особое пространство или совокупность пространств и как среда [5].

Но что попадало (и попадает ныне) в предметно организованное сознание архитекторов и градостроителей? Строгий и жесткий анализ вскрывает сильный дефицит «схваченного» и описанного в «поточных» представлениях: в предметно-специальном виде они неизбежно упрощаются и «уплощаются».

> Рис. 5. М. Дюшан. Обнаженная, спускающаяся с лестницы. 2012

> Рис. 6. У. Боччони. Уникальные формы непрерывности в пространстве. 1913

> Рис. 7. Э. Мендельсон. «Башня Эйнштейна». 1924. «Омытые потоками» бетонные формы – имитация экспрессии

Марк Меерович пишет о таком сведении сложного к простому в функционализме: «Сооружение выступает лишь средством, орудием материально-пространственного обеспечения процессов жизни и деятельности – социальных, производственных, бытовых. То есть, не архитектурная форма с ее пластикой, тектоникой, символикой, образностью является теперь целью и предметом размышления, переживания и созидания, а жизнедеятельность людей, представленная как набор бытовых и производственных процессов. Эти процессы графически изображаются как зоны, где осуществляются однотипные действия, и как связи между зонами, обозначающие перемещения людей и грузов. Совокупность зон и связей и есть функциональная структура. Это, фактически, и есть новый объект проектирования. Он замещает процессы, заменяет их непрерывную текучесть статичным условным изображением, тем самым давая возможность работать с ними – оптимизировать, трансформировать и т. п. <...> При описании не материализуемых сторон жизни – духовного развития, воспроизводства и трансляции культуры, воспитания и многих других, не сводимых непосредственно к конкретным комплексам вещей и габаритам помещений, такие технические средства, как графики движения и схемы функционального зонирования – беспомощны» [6, с. 28–29].

Проблема видится более сложной и глубокой: это принципиальная неспособность архитектурного сознания работать с потоками, если они еще не «попали» в схемы предметной редукции, что становится критически значимым в работе с масштабными системами, такими как город или регион.

Сегодня можно утверждать: научно-предметные, профессионально-специализированные и прочие «препарированные» вариации потоков есть вариации той спецификации в картине мира, которую Мартин Хайдеггер именовал словом «постав» (Gestell), постановка «на козлы» существующего, функционально-утилитарное использование его с игнорированием всего того, что «функции» не соответствует и мешает. Это – один из центральных способов технократического изнашивания мира.

Gestell открывает возможность массового («поточно-го») производства, что в случае архитектурного проек-

тирования почти всегда означает «типовое проектирование». Однако, как и всегда в подобных упрощенных схемах, живое, действительный поток его, неизбежно... ускользает. **Ускользание – неперенное качество потоков, свойство их изменчивости, текучести, динамики... Это защитная реакция их чувственной и чуткой природы: ускользать сквозь «щели» плохо простроенной онтологии (а она у нас всегда и неизбежно такова). Потоки сохраняют суверенность, «самость»; они остаются неуловимыми.**

Поток и процесс, движение и форма

Как видим, поток полноценно существует лишь в свободной, «распредмеченной» форме [7]. В процессе проектирования имеет смысл понимать потоки лишь в этой форме, но не в предметно-специальной интерпретации, в которую они «втягиваются» не столько в силу своей природы, сколько по воле научно-предметной или профессиональной логики, для которой первично операциональное удобство манипулирования с представлением, а отнюдь не его реалистичность, эффективность или проектный потенциал.

Разумеется, сказанное еще раз заставляет усомниться в проектном содержании «практики», имеющей дело исключительно с предметными редукциями объектов, в действительной проектности функционализма, а вместе с ним и конструктивизма, и всего «проектного авангарда» в целом [6, 7–9].

Поток, видимо, можно считать частной и довольно простой вариацией процесса, в которой движение осуществляется лишь в единственном векторе, а само движение равномерно и поступательно. Такой процесс (progress) развертывается линейно, что совсем не обязательно для процессов в общем виде, но неизбежно для потоков и прогрессов.

Древнеримское выражение «растворение в потоке жизни» (Марциал) в этом свете суть всего лишь готовность «плыть по течению», что означало вести крайне развратный образ жизни. Прогресс, при всем надуманном пафосе этого слова, такая же линейная, векторная редукция всякого процесса, как и поток. Ведь в полноценном процессе возможны многие векторы, допустима их конкуренция и невозможно сведение к одному из них;

^ v Рис. 8–10. Город и движение. Схемы ситуационистов

кроме того, процессов в реальности осуществляется много и одновременно, а выделение одного из них при полном игнорировании всех иных (это и есть прием функционализма, следующий по стопам естественнонаучной ментальности) – уже шаг в сторону весьма жесткой редукции [10]. Но и этот шаг обретает черты сильной абстракции, идеализации единственного выделенного процесса (что, заметим, фундаментально необходимо при формировании всякой предметной редукции, в т. ч. представления о «функции» того или иного архитектурного здания или сооружения).

А далее идет работа с полученным препаратом «объекта», которая по недоразумению все еще именуется проектированием [6]. Наследие «авангарда» нам еще долго предстоит переживать, выдавливая его из себя по капле...

Как известно, первым проблематику движения и трудностей его описания поставил Анри Бергсон, но необходимо упомянуть и Гераклита, справедливо утверждавшего, что в один и тот же поток нельзя войти дважды. Бергсон, в отличие от Гераклита, проблематизировал не только наши способности движения (перемещения), но и способности воображения, а главное – способности дискурса, всей семиотики доступных нам описаний покоя/движения, а значит, и проектной семиотики. «Представим себе разум, – пишет А. Бергсон, – переместившийся в становление и принявший его движение. Каждое последовательное состояние, каждое качество, словом каждая форма будет ему казаться простой вырезкой, произведенной мыслью универсальном становлении. <...> Но философия Идей следует обратному направлению. Она исходит из формы и в ней видит самую сущность реальности. Для нее форма не будет снимком со становления; для нее формы существуют в вечности; длительность и становление – это только деградация этой неподвижной вечности» [7, с. 303].

Для Бергсона реальность есть «подвижная непрерывность», которая недоступна известным формам восприятия и описания. А потому люди, следуя метафоре Гераклита, способны лишь «вырезать» из непрерывности (а таковой, напомним, было греческое письмо, не знавшее словоразделения) фрагменты, удобные для тех или иных представлений и связанных с ними действий.

И часто «выкраивают» не те объекты, не по природе их, отчего проистекают все беды мира. Бергсон противопоставлял мир платоновской, метафизической идеи и непрерывность потока жизни и творчества, для которого всякая идея – лишь временный, преходящий «срез» [7].

Для архитектурного и проектного сознания принципиально важно, что концепт потока противостоит концепту формы. Со времен Аристотеля всякая форма (как и эйдос Платона) принимается ставшей, законченной, нетварной, не создаваемой даже и самим Богом-Демииургом, предшествующей его созидательному действию (см. «Тимей» Платона).

Принятие проектной идеологии означало отказ от ремесла и отход от аристотелевской схемы «наложения» статичной и вечной формы на податливый материал; формируется притязание на сознательное созидание форм, получившее максимальную возгонку в авангарде и раннем модернизме, но... этот штурм небес, как и прочие, оказался навязчивой идеей; формы лишь модифицируются, комбинируются, все так же по умолчанию понимаются ставшими.

Великий наскок на позицию формотворчества оказался несостоятелен. Казалось бы, рукой подать до теорий становления форм, но ничего убедительного за более чем столетие так и не появилось, отчего все методики формообразования со времен Баухауза и ВХУТЕМАСа

до наших дней выглядят натужными попытками изобразить «дление» там, где его нет. Зато хорошо получаются методики композиции (ОПК), то есть перекомпоновки готовых и «вечных» форм, отчего-то все еще сохраняющие претензию на пропедевтический смысл в отношении проектирования [8].

Хоть это ясно и без А. Бергсона, **с точки зрения овладения онтологией потока / становления / движения, проектирование так и не состоялось.**

Мы все еще комбинируем исходные геометрические тела, лепим «куличики» в песочнице по выданным нам образцам, формочкам и матрицам, совсем как хрестоматийный медник у Аристотеля.

Течения и экспрессии

«Если мысль и мышление можно уподобить течению, – размышлял А. Г. Раппапорт, – то позволительно применять к ним и метафорически истолкованные гидротехнические и гидрологические представления. В частности, рельеф как инфраструктуру, определяющую течение рек. Если течение мысли уподобить течению рек, то возникает возможность расширять метафорическое поле интерпретаций мышления (истоки, притоки, слияния, водоразделы, бассейны, устья и пр.) В таком случае ход или течение мысли позволяют задать вопрос о том, на каких именно рельефных отметках мировой культуры возникают те или иные потоки мысли и что способствует ускорению или замедлению их течения.

Если продолжать этот ход метафорического расширения мышления, возникает уже целая география и стратегия: наряду с поверхностными реками появляются подземные течения и резервуары, глубоко спрятанные моря и океаны.

Наряду с этими новыми подземными течениями придется включить в орбиту моделирования и круговорот воды – через испарение, образование облачных масс, осадки в виде снега и дождя, ливни и наводнения, засухи и потопа, оледенения и пожары. Мир мысли обретает характер морского пейзажа и разных видов водостоков. В том числе водопадов, плотин, болот и пр.» [9].

У Бориса Пильняка читаем: «Долины рек возникают от размыва. Реки по своим тальвегам всегда идут змеями, никогда прямыми руслами, – и горизонты падения русла рек похожи на лестницу – пережат, плес, пережат, плес, – водопады на реках живут, отодвигаясь к истокам рек, – так создано законами физики, потому что иначе б живая сила воды, которая в природе ломается плесами и пережатами, освобожденная, достигла б неимоверных сил и быстрот, и реки исчезли б, слив все свои воды, ничем не задержанные» [10, с. 170].

При всем многообразии идейных течений, при всем столь популярном неприятии цензуры и даже критики, если дать беспрепятственно «слиться» всем теориям и гипотезам, не останется в итоге ничего, кроме сухой долины...

Интеллектуальные течения, в т. ч. в архитектурной мысли, далеки как от невинности, так и от спокойного «дление» (duree А. Бергсона). Напротив, они драматичны и травматичны. В них преобладает экспрессия: ведь поток бывает и бурным, он может засасывать в воронки и водовороты...

Экспрессия – динамика порыва, «включающая» поток, предполагающая его присутствие, пусть и недолговременное. Экспрессию нередко переводят как «выразительность», а еще чаще, напротив, выразительность, выражение как экспрессию.

Но ведь это неточно: архитектурская «выразительность» нединамична, она, скорее, статична, а точнее – монументальна или тяготеет к монументальности. Сомнительная история архитектурной «выразительности» легко обходится без каких бы то ни было потоков и прочих беспокойств плохо управляемого движения; по крайней мере, она хотела бы обойтись без них,

остаться в мире статики и вечного покоя. Точно так же и архитектурный экспрессионизм рубежа XIX–XX столетий: в отличие от экспрессионизма в живописи, он монументален и... «онтологичен»; его объекты весомы, грубы, зримы. Загробное начало архитектуры и здесь берет свое.

В дадаизме и футуризме динамика возрастает до предела, но ведь это предел символического, даже имитационного, и он разворачивается опять же в живописи и скульптуре, но отнюдь не в архитектуре.

Но если заглянуть еще глубже в историю, не в начало авангарда рубежа XIX и XX веков, а в Новое время, с которого и начинаются очень многие (если не все) неприятности в истории архитектуры, то обнаруживаемый там динамический потенциал относим уже, скорее, к масштабу истории, нежели к масштабу зримой формы. В эту эпоху формируется линейный концепт генезиса от «Прошлого» к «Будущему», а уж этот поток сам по себе способен захватить многое. Когда он вошел в полную силу, то захватил, оформив едва ли не всю архитектуру XX столетия, а также и доброй части XIX и XXI столетий. Но все его захваты остались... наведенной силой, оставившей лишь следы, выглядящие сегодня едва ли не наивно.

Но ведь и до этого выраженного вектора устремленности в «Будущее» (даже в лоне крайне стационарных традиций) архитектура вполне могла принадлежать потокам истории. Таков синтоистский комплекс в Исэ, тысячелетиями обновляющий свою неизменную форму. А вот потуги т. наз. «японского метаболизма» включить изменения или лишь их возможность в собственную форму не смогли стать ничем, кроме симуляцией. **Поток и форма остаются в «параллельных» реальностях.** Истинные потоки подхватывают и несут нас вместе с нашей архитектурой, но попытки «схватить» потоки и выразить их в архитектурной морфологии практически всегда заканчиваются стилизацией. **Архитектура – не то средство, которым можно овладеть потоками.**

Здесь же коренится и известная проблема «финализма» в тактах проектного действия (отчего самой презентативной схемой проектирования и стал известный «шаг развития»): мы движемся шагами, дискретно, всякий проект предполагает завершённое состояние своего объекта на определенном отрезке времени. Эта «античная» по происхождению особенность мышления и действия, видимо, приемлема в отношении «нелетящих» произведений (храмов, монументов, дворцов и пр.). Однако она становится проблемой в работе с городами и иными «большими системами», в которых процессы изменений не прекращаются. Идея т. н. «перманентного проектирования» все еще остается в области виртуальных ресурсов, но не действительных инструментов.

Устоявшееся и неизвестное

При всем интересе актуальной теоретической архитектурной мысли к трансгрессиям всякого рода, **архитектура остается недвижимостью, лишь резонирующей с потоками разнообразного происхождения. Но ведь за это ее и ценят!** В самом деле: разве состояние таких систем, как комплекс Дворцовой площади Санкт-Петербурга, центра города Бат или правительственного кластера Бразилиа можно хоть с малой толикой достоверности трактовать как поточные организованности? Очевидно, нет. Их «ставшая», застывшая музыка хоть и способна завлечь, но отнюдь не в стремнины поточных авантюры. Перед нами здесь – законченные и «совершенные» (не в смысле идеальности, но в смысле «состоятельности») ансамбли. **Ансамбль же – синоним смерти потока, но он и высшая форма состоятельности художественной системы.** А всякая состоятельность предполагает остановку в движении, уверенное в себе успокоение, эстетическое наслаждение достигнутым. С тем и пребывает донныне.

А вот многие улицы старой Москвы, Праги, Парижа, при всей своей манифестируемой устойчивости, вовсе не обладают ансамблевой завершенностью или хотя бы целостностью, намекают на [возможное] продолжение своего движения, на вовлеченность в потоки – хотя и неясно, какие.

Разумеется, ансамбли статичны и закрыты, а среды динамичны и открыты продолжению, длению, развитию. Сей тезис мы здесь и не будем доказывать, принимая его за аксиому. Но ведь таковы не только ансамбли/среды, но и, например, стили/эkleктики (или: стилевые/эkleктические стратегии); таковы районы/регионы, а также замкнутые в своем предмете типологии и разомкнутые (за счет рефлексии) онтологии. Мы, архитекторы, всякий раз предстоим перед выбором: или умиротворенное использование известного, или риск ставки на новое, неизведанное.

Моральный выбор здесь вовсе не соответствует результату, особенно – результату социальному. Социальному вообще всегда предпочтительнее известное, даже когда оно устами своих «горлопанов-главарей» утверждает обратное. Ставка на неизвестное – идефикс нашей проектности (заметим: идефикс вовсе не профессии, остающейся в своем «тулове» консервативной и инертной, у которой своих идефиксов хватает с избытком). Это идефикс всего того, что до сих пор не вписывается в рамки ортодоксального архитектурного профессионализма [11].

В указанные рамки до сих пор не вписывается не один только «поток». Точно так же в маргиналиях пребывают «среда», «город», «регион» и даже «пространство». Все они существуют в профессии в лучшем случае в качестве плодотворных метафор, а в случае обычном и повседневном – на правах словесных штампов.

Вызов таких метафор велик; они движут нами, более того – они проворачивают колеса Истории. Но нам не обойтись и без ответов на фундаментальные вопросы. Среди таковых и вопросы о потоке: что он такое [«по гамбургскому счету»] для нас, архитекторов и проектировщиков? Верна ли была ставка на форму или надобно размышлять о другом? И что в нашем случае означает «отдаться потоку»? Согласиться с «естественным» движением, не сопротивляться ему, следовать за ним, или же, напротив, сознательно выйти из статичных или быстро застывающих форм, создать динамику, стать источником нового потока?

Литература

1. Вахштайн, В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozvrashchenie-materialnogo-prostranstva-seti-potoki-v-aktornoy-setevoy-teorii/viewer> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Башляр, Г. Избранное: Поэтика пространства / Пер. с франц. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 373 с.
3. Дебор, Ги. Теория Дрейфа. – URL: <http://ru.theanarchistlibrary.org/library/gi-debor-teoriya-drejfa> (дата обращения:).
4. Крашенинников, А. В. Когнитивная урбанистика: архетипы и прототипы городской среды. – Москва : Курск, 2020. – 209 с. : ил.
5. Бодрийяр, Ж. Фатальные стратегии. – Москва : РИПОЛ классик (KAİROS), 2018. – 288 с.
6. Капустин, П. В. Существовало ли «архитектурное проектирование»? // Вопросы теории архитектуры. Архитектура: современный опыт профессиональной саморефлексии. Сб. науч. тр. и докладов на Девятой и Десятой Иконниковских чтениях / Сост., отв. ред. И. А. Добрицына. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – С. 75–87.
7. Бергсон, А. Творческая эволюция. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 384 с.
8. Капустин, П. В. ВХУТЕМАС: вопросы к новому осмыслению // Архитектура и строительство России. – 2020. – № 3 (235). – С. 12–17.
9. Раппапорт, А. Г. Ситуация (37). Течение мысли // Блог А. Г. Раппапорта «Башня и лабиринт». – URL: <https://papardes.blogspot.com/2014/05/37.html> (дата обращения: 10.03.2025).
10. Пильняк, Б. А. Целая жизнь: Избр. проза. – Минск : Мастац. літ., 1988. – 638 с.

11. Капустин, П. В. Идефикс формотворчества и будущее архитектурной профессии // Теория и история архитектуры. Вып. 4: XII Иконниковские чтения: материалы научной конференции / отв. ред. И. А. Добрицына; Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России». – Москва; Санкт-Петербург : Коло, 2021. – С. 11–27. – URL: http://www.sectioaureaseries.org/uploads/releases_PDF/004/01_Kapustin.pdf (дата обращения: 14.03.2025).

12. Капустин, П. В. Формы мыслимости города XX века: пространство, субстанция или среда? // Проект Байкал. – 2021. – № 3 (69). – С. 54–57. – DOI: <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.69.1847>

13. Меерович, М. Г. Биография профессии. 32 год и другие // Кентавр. – 1992. – № 1. – С. 27–31. – URL: https://www.kentavr.mathedu.ru/text/kentavr_1992_1/p2/ (дата обращения: 23.04.2025).

14. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака. – Москва : Академический Проект, 2007. – 335 с.

15. Щедровицкий, Г. П. Проблемы методологии системного исследования // Г. П. Щедровицкий. Избранные труды. – Москва : Школа Культурной политики, 1995. – С. 155–196.

16. Капустин, П. В. Недвижимость и движение в архитектуре // Проект Байкал. – 2022. – № 1 (71). – С. 32–39. – DOI: <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.71.1939>

17. Трубецкой, С. Н. Курс истории древней философии. – Москва : Владос; Русский двор, 1997. – 576 с.

References

- Bachelard, G. (2004). Selected works: The poetics of space. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPAN).
- Baudrillard, J. (2007). For a critique of the political economy of the sign. Moscow: Academic Project.
- Baudrillard, J. (2018). *Fatal strategies*. Moscow: RIPOLL Classic (KAİROS).
- Bergson, H. (2001). *Creative Evolution*. Moscow: TERRA Book Club; CANON Press.
- Debord, G. (1956). *Theory of the D rive*. The Anarchist Library. Retrieved April 15, 2025, from <http://ru.theanarchistlibrary.org/library/gi-debor-teoriya-drejfa>
- Kapustin, P. V. (2017). Sushchestvovalo li “arkhitekturnoe proektirovanie”? [Was there an “architectural design”?]. In *Issues of the Theory of Architecture. Architecture: Modern Experience of Professional Self-Reflection* (pp. 75–87). Moscow: LENAND.
- Kapustin, P. V. (2020). VKHUTEMAS: Questions for new rethinking. *Architecture and Construction of Russia*, 3(235), 12–17.
- Kapustin, P (2021a). Forms of conceivability of the city of the XX century: space, substance or environment? *Project Baikal*, 3(69), pp. 54–57. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.69.1847>
- Kapustin, P. V. (2021b). The idexif of form creation and the future of the architectural profession. In Dobritsyn, I. A. (Ed.), *Theory and history of architecture. Issue 4: XII Ikonnikov readings: Proceedings of a scientific conference* (pp. 11–27). Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of FSBI “TSNIIP of the Ministry of Construction of Russia”. Moscow; Saint Petersburg: Kolo. Retrieved March 14, 2025, from http://www.sectioaureaseries.org/uploads/releases_PDF/004/01_Kapustin.pdf
- Kapustin, P. (2022). Immobility and mobility in architecture. *Project Baikal*, 1(71), 32–39. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.71.1939>
- Krashenninnikov, A. V. (2020). *Kognitivnaya urbanistika: arkhetypy i prototypy gorodskoi sredy [Cognitive urbanism: archetypes and prototypes of the urban environment]*. Moscow: Kursk.
- Meerovich, M. G. (1992). *Biografiya professii. 32 god i drugie [Biography of a profession. Year 32 and others]*. *Centaur*, 1, 27–31. Retrieved April 23, 2025, from https://www.kentavr.mathedu.ru/text/kentavr_1992_1/p2/
- Pilnyak, B. A. (1988). The Volga flows to the Caspian Sea. In *The whole life. Selected prose*. Minsk: Mastatskaya literatura.
- Rappaport, A. G. (2014, May 13). Situatsiya (37). Tchenie mysli [Situation (37). The flow of thought]. *Tower and Maze*. Retrieved March 10, 2025, from <https://papardes.blogspot.com/2014/05/37.html>
- Shchedrovitsky, G. P. (1995). Problemy metodologii sistemnogo issledovaniya [Problems of methodology of system research]. In *Selected works* (pp. 155–196). Moscow: School of Cultural Policy.
- Trubetskoy, S. N. (1997). *Kurs istorii drevnei filosofii [Course of the history of ancient philosophy]*. Moscow: Vlados; Russkii dvor.
- Vakhstein, V. S. (2005). The return of the material: “Spaces”, “networks”, “flows” in actor-network theory. *The Russian Sociological Review*, 4(1), 94–115. Retrieved April 10, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/vozvrashchenie-materialnogo-prostranstva-seti-potoki-v-aktornoy-setevoy-teorii/viewer>